

— Я позвал тебя только для того, чтобы люди не чесали языки за нашими спинами. Не воображай лишнего, — отчеканил Чжаочжао, едва они вошли.

— Чесали языки?.. — Сюйлегээр недоуменно свел брови.

— Значит, шептались о тебе всякие гадости, — пояснил Чжаочжао, присаживаясь на край постели.

— Вот оно что, — вождь наконец понял, и его лицо просветлело. — Не беспокойся. Если кто-то посмеет сказать о тебе дурное слово — скажи мне, и я вырву ему язык.

— Вырвешь... язык... — Чжаочжао побледнел. От одной этой мысли ему стало не по себе.

— Ты — госпожа Сюэди. Я не позволю никому порочить твоё имя, — голос Сюйлегэера звучал спокойно, но в нём слышалась та самая свирепость, от которой содрогались враги.

— Это слишком жестоко, — возразил Чжаочжао. Как человек, воспитанный на конфуцианских канонах, он верил в справедливость и милосердие.

— Ты считаешь меня жестоким? — Взгляд вождя помрачнел. — Значит, ты всё же боишься меня.

Он знал, какую славу снискал в Срединной империи. Даже в степи многие считали его кровожадным демоном. Сюйлегээр старался сдерживать свою натуру, боясь оттолкнуть того, кто был ему дорог. Он не смел надеяться на любовь, но и видеть страх в этих глазах ему было невыносимо.

— Ха, посмотрите, какой гордец! — фыркнул Линь Чжаочжао. — Боюсь тебя? Пусть другие боятся, а я — нет.

Сюйлегээр замер, не веря своим ушам.

— Ты правда меня не боишься?

— С чего бы мне тебя бояться? — искренне удивился Чжаочжао.

— Не боишься, что я... причиню тебе боль? — тихо спросил вождь, вглядываясь в его лицо.

— О, и что ты сделаешь? Вырвешь мне язык или отрубишь голову? — Чжаочжао уже развалился на ложе, не воспринимая его всерьёз.

— Не говори глупостей! — резко оборвал его Сюйлегээр.

Любой другой на месте Чжаочжао уже лежал бы в ногах, моля о пощаде. В гневе вождь Сюэди был страшен. Но только не для Линь Чжаочжао. Не потому, что он был героем, а просто

потому, что в прошлой жизни он привык помыкать этим грозным воином как хотел.

— Чего ты орешь? Сам же первый спросил! — Чжаочжао капризно сощурился, вновь впадая в привычный образ избалованного юноши.

— Я... я не то имел в виду, — сник вождь.

— А что тогда? Ты собираешься меня обидеть? — наседал Чжаочжао.

— Нет, — угрюмо буркнул Сюйлегеэр. Разве мог он обидеть того, кого мечтал защищать от всего мира?

— То-то же. — Чжаочжао сел перед зеркалом и начал распускать волосы. — Завтра я хочу вымыться.

— Хорошо. Я прикажу всё подготовить. — Сюйлегеэр завороченно смотрел на изящную спину и длинные черные волосы, по которым скользил костяной гребень. Ему нестерпимо захотелось, чтобы на месте этого гребня оказались его собственные руки...

— Чего застыл? Спать не хочешь? — Чжаочжао уже сбросил верхнее платье и прошел мимо него к постели.

— Да... отдыхай, — Сюйлегеэр направился к выходу. Он боялся, что если останется, то потеряет голову.

— Стой! Ты куда?

— К себе...

— Я приехал сюда один, у меня здесь нет защиты. Если ты уйдешь, все решат, что ты меня не любишь. Кто знает, как со мной тогда обойдутся, — Чжаочжао скрестил руки на груди.

— Пока я жив, никто не тронет тебя, — вздохнул Сюйлегеэр. Ему было любопытно, найдется ли в степи такой самоубийца.

— А когда тебя не будет рядом? — Чжаочжао бросил на пол запасной тюфяк и подушку. — Вот. Будешь спать здесь.

«...» Оказаться в одной комнате и не сметь прикоснуться — это ли не пытка? Словно запереть волка в клетке с ягненком и запретить ему даже смотреть в ту сторону.

Заметив его замешательство, Чжаочжао почувствовал укол совести. Укладывать правителя степей на пол было не совсем вежливо.

— Ладно, я сам лягу на пол, — прикусил губу Чжаочжао. — А ты иди на ложе.

— Не нужно. Я лягу здесь, буду охранять твой сон, — вздохнул вождь, расправляя постель на полу. Он бы никогда не позволил этому хрупкому созданию спать на холодной земле.

— Можешь лечь со мной, — предложил Чжаочжао, забираясь под одеяло и чувствуя себя немного виноватым. — Если только не будешь распускать руки.

— Нет, мне и здесь хорошо. — Сюйлегееэр знал меру своей выдержки. Он не был святым отшельником и понимал, что не сдюжит, если красавица окажется так близко. Ему было не привыкать — случалось спать и на голой траве под открытым небом.

— Ну, сам отказался, — пробормотал Чжаочжао, укрываясь с головой. — Смотри не простудись, я не виноват.

— Спи, — ответил мужчина, гася свечу.

В темноте Линь Чжаочжао быстро уснул. Это была первая спокойная ночь на новом месте. Когда он проснулся, вождя уже не было — Агусу сказала, что он ушел на совет старейшин.

После ванны к Чжаочжао прибежал взволнованный Сухэ.

— Господин, вчера ночью... с вами всё было в порядке?

— А что со мной могло случиться? — Чжаочжао легонько шлепнул его свитком по макушке. — Помогай лучше вещи разбирать.

Как подменная невеста, Чжаочжао вез с собой немалое приданое — дары императорского двора для вождя Сюэди: золото, шелка, изделия из бронзы и керамики — редкие и ценные вещи для кочевников. В прошлой жизни Сюйлегееэр не взял из этого ничего, оставив всё Чжаочжао, чем вызвал недовольство соплеменников.

На этот раз Чжаочжао решил поступить мудрее: часть оставить себе, а остальное раздать людям, чтобы завоевать их расположение.

— Благородная госпожа, вы не только прекрасны лицом, но и добры сердцем. Люди не забудут вашей милости, — приговаривала Агусу, созывая женщин племени. Те с благодарностью принимали подарки.

Сам же Линь Чжаочжао оставил себе лишь самое ценное — свои книги. Погода стояла чудесная, и он велел Сухэ вынести свитки, чтобы просушить их на солнце. Многие степняки, проходя мимо, с любопытством и недоумением разглядывали странные бумаги.

— Глядите на этих южан, — раздался вдруг насмешливый голос. — Тратят столько сил на какие-то желтые бумажки. Наша кожа куда прочнее и удобнее для письма.

— Да уж, видно, в Срединной империи совсем бедно с овцами, раз им не хватает шкур даже на книги.

— Интересно, а эта девчонка хоть слово понимает? Небось думает, мы её хвалим...

Группа подростков-степняков залилась хохотом. Сухэ нахмурился, чувствуя издевку, и хотел позвать Агусу, но Чжаочжао остановил его.

— Вижу, вы достаточно учены, раз понимаете, что я держу в руках, — невозмутимо произнес Линь Чжаочжао по-степному, окинув юношей взглядом.

Это были крепкие подростки лет четырнадцати-пятнадцати. Среди них выделялся один, чьи черты лица показались Чжаочжао удивительно знакомыми. Те же брови, тот же разрез глаз...

— Шалалигэ, — позвал он.

— Ты знаешь моё имя? — юноша изумленно вскинул брови.

— Суйлегээр упоминал своего брата. К тому же вы очень похожи, — Чжаочжао улыбнулся. Юноши невольно засмотрелись на него, забыв о насмешках.

— А ты и правда красивая. Куда краше Цицигэ, неудивительно, что она вчера так бесилась, — Шалалиге невольно залюбовался. Вблизи «жена брата» оказалась еще прекраснее, чем он думал.

Линь Чжаочжао не слишком обрадовался похвале от «желторотого птенца».

— Не забивай голову девчонками, лучше займись делом, подобающим мужчине.

— И что же в этом плохого? — фыркнул Шалалигэ. — В степи женятся в двенадцать. Я и так засиделся.

«Если ты засиделся, то твой брат до встречи со мной вообще был старым бобылем», — иронично подумал Чжаочжао.

— Но это не беда. Ты мне нравишься, я готов подождать еще пару лет, — Шалалигэ самоуверенно указал на Чжаочжао. — Я решил: когда мой брат умрет, ты станешь моей первой женой.

— Что ты несешь? — Чжаочжао решил, что ослышался.

— Чему ты удивляешься? Это наш закон. После брата ты по праву перейдешь ко мне.

Линь Чжаочжао прикрыл глаза рукой. В прошлой жизни он мало общался с Шалалигэ и не знал, что в голове у этого мальчишки такие «дикие» мысли. Тот уже всю примерял на себя роль мужа своей невестки.

— И твой брат знает, что ты ждешь его смерти, чтобы забрать его жену?

— Конечно.

— И он еще не избил тебя до полусмерти?

Шалалигэ невольно вспомнил, как вчера чуть не захлебнулся в реке:

— ...

— Ладно, вечером я передам ему твои слова, — усмехнулся Чжаочжао.

— Нет! — вскрикнул Шалалигэ, мгновенно растеряв всю спесь. — Не смей! Он же убьет меня!

«То-то же, знает кошка, чье мясо съела», — подумал Чжаочжао. Он кивнул на стопку книг:

— Тогда беритесь за работу. Иначе, когда вернется ваш вождь...

— Сделаем, сделаем! — под угрозой разоблачения Шалалигэ и его друзья послушно принялись помогать раскладывать свитки.

— Аккуратнее, не повредите бумагу, — наставлял их Чжаочжао.

— Подумаешь, куча старой бумаги. Носишься с ней как с золотом, — ворчал Шалалигэ.

— Это книги мудрецов. В каждом слове — великая мудрость предков. — Глядя на этих необразованных сорванцов, Чжаочжао задумался. — Кто-нибудь из вас умеет читать?

— Нет, — ответил один из парней. — Шалалигэ заставляли учить грамоту, так он из дома сбежал, лишь бы не учиться. Сюйлегеэр его потом поймал и на дереве за ноги подвесил.

— Заткнитесь! — огрызнулся покрасневший Шалалигэ.

— И почему же ты не хочешь учиться? — спросил Чжаочжао.

— А зачем мне это?

— Чтобы уметь читать книги.

— Ха! — Шалалигэ сплюнул. — Мы, люди степи, живем силой меча. Какой толк от книг? Разве они помогут одолеть врага?

— Ошибаешься. Кто сказал, что книги не помогают в бою? — Линь Чжаочжао хитро прищурился и вытащил из стопки трактаты по военному искусству. Настало время преподать этим дикарям первый урок.